

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-108-114

Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

ТАРНОВСКИЙ Александр Владимирович,
аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО
«Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: ccrupt@mail.ru

**КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБРАЩЕНИЕМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ ПО СТАТЬЯМ 243.2 И 243.3 УК РФ**

Аннотация. Предметом исследования являются теоретические и прикладные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 243.2 и 243.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, в части установления признаков незаконного обращения археологических предметов и нарушения режима сохранности объектов археологического наследия. Рассматриваются вопросы отграничения указанных составов друг от друга и от смежных уголовно-правовых норм (ст. 243, 243.4 УК РФ), критерии определения предмета посягательства, а также процессуальные аспекты формирования доказательственной базы на стадии проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования.

Методологическую основу работы составляют формально-догматический метод при толковании диспозиций исследуемых уголовно-правовых норм, сравнительно-правовой метод при сопоставлении общих и специальных составов в сфере охраны культурного наследия, системно-структурный анализ соотношения уголовного, административного и отраслевого законодательства об объектах археологического наследия, а также метод обобщения правоприменительной практики.

Научная новизна состоит в выявлении квалификационных затруднений, порождаемых оценочным характером понятия «археологический предмет» и отсутствием нормативно закреплённых критериев его отграничения от смежных правовых категорий — «объект археологического наследия» и «культурный слой». Обоснована целесообразность законодательного установления презумпции недвижимого характера объектов археологического наследия с указанием на их принадлежность к федеральной собственности. Аргументирована необходимость ведомственной стандартизации первичных проверочных мероприятий, включающей унифицированный алгоритм фиксации обстоятельств обнаружения и изъятия археологических предметов, а также типовой перечень вопросов для комплексной экспертизы. Сформулированы рекомендации по применению института квалификации по совокупности преступлений при сопряжённости незаконного извлечения археологических предметов с хищением культурных ценностей и их контрабандным перемещением.

Ключевые слова: квалификация преступлений; археологические предметы; незаконное обращение; объект археологического наследия; культурный слой; статья 243.2 УК РФ; статья 243.3 УК РФ; предмет посягательства; разграничение смежных составов; доказывание; охрана культурного наследия; правоприменительная практика; экспертиза археологических предметов.

TARNOVSKY Alexander Vladimirovich,
graduate student of the Department of Criminal Law of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Southwestern State University"

**QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL CIRCULATION OF ARCHAEOLOGICAL
OBJECTS: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
UNDER ARTICLES 243.2 AND 243.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Annotation. The subject of the study is the theoretical and applied problems of qualification of crimes provided for by Articles 243.2 and 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, in terms of establishing signs of illegal circulation of archaeological objects and violation of the regime of preservation of archaeological heritage sites. The issues of delimiting these compositions from each other and from related criminal law norms (Articles 243, 243.4 of the Criminal Code of

the Russian Federation), the criteria for determining the subject of encroachment, as well as the procedural aspects of the formation of the evidence base at the stage of checking the crime report and preliminary investigation are considered.

The methodological basis of the work is a formal dogmatic method for interpreting the dispositions of the investigated criminal law norms, a comparative legal method for comparing general and special compositions in the field of cultural heritage protection, a system-structural analysis of the ratio of criminal, administrative and sectoral legislation on objects of archaeological heritage, as well as a method for generalizing law enforcement practice.

The scientific novelty consists in identifying qualification difficulties caused by the evaluative nature of the concept of "archaeological object" and the absence of normatively fixed criteria for its delimitation from related legal categories - "object of archaeological heritage" and "cultural layer." The expediency of the legislative establishment of the presumption of the immovable nature of objects of archaeological heritage with an indication of their belonging to federal property is justified. The need for departmental standardization of primary verification measures, including a unified algorithm for recording the circumstances of the discovery and seizure of archaeological objects, as well as a standard list of issues for a comprehensive examination, has been argued. Recommendations are formulated on the application of the institute of qualifications for the totality of crimes when the illegal extraction of archaeological objects is associated with the theft of cultural property and their smuggling.

Key words: qualification of crimes; archaeological items; illegal treatment; archaeological heritage site; cultural layer; Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; Article 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation; subject of encroachment; demarcation of adjacent trains; proving; protection of cultural heritage; law enforcement practice; examination of archaeological objects.

В контексте настоящего исследования под незаконным обращением археологических предметов надлежит понимать систему юридически значимых действий, охватывающих поиск, извлечение из мест залегания, перемещение, передачу третьим лицам либо иное введение в гражданский оборот материальных свидетельств жизнедеятельности человека минувших исторических эпох, осуществляемых в нарушение нормативно установленного режима охраны археологического наследия и в отсутствие предусмотренных законодательством разрешительных документов.

Центральное место в юридической характеристике рассматриваемого явления занимает вопрос о предмете противоправного посягательства. Категорию «археологический предмет» необходимо строго отграничивать от смежных правовых понятий. Во-первых, от понятия «объект археологического наследия», который, как правило, обладает признаками недвижимого имущества. Во-вторых, от понятия «культурный слой», представляющего собой контекстную среду, в которой залегают те или иные находки. Действующие нормативные акты описывают объекты археологического наследия посредством указания на значительное типологическое многообразие их форм — от городищ, селищ и курганных комплексов до собственно культурных слоёв. Применительно к культурному слою законодатель устанавливает формальный хронологический критерий: возраст материальных следов, его образующих, должен составлять не менее

ста лет. Вместе с тем в доктрине справедливо указывается на то, что дефиниция объекта археологического наследия неизбежно носит «размытый» характер, что обусловлено именно типологическим разнообразием охраняемых объектов [1, с. 5].

Объективные признаки незаконного обращения с археологическими предметами могут быть систематизированы следующим образом. Первый признак состоит в непосредственном физическом воздействии на предметы, находящиеся в земле, в водной среде либо извлечённые из таковых, которое влечёт за собой разрушение контекста обнаружения и существенно затрудняет последующую научную атрибуцию и интерпретацию находок [2, с. 101]. Второй признак выражается в нарушении установленного охранного режима соответствующей территории, а равно порядка проведения любых земляных, строительных и иных работ на ней [3, с. 48]. Третий признак связан с причинением вреда охраняемым публичным интересам, причём такой вред не сводится исключительно к физической утрате самого предмета — он в равной мере охватывает безвозвратную утрату научной информации о памятнике, его стратиграфии и пространственных связях между артефактами [4, с. 63].

Субъективная сторона данного деяния, как правило, характеризуется прямым умыслом: лицо осознаёт противоправность совершаемых действий по обходу разрешительного режима, желает извлечь археологические предметы из мест их залегания и распорядиться ими по соб-

ственному усмотрению. Нередко субъективная сторона дополняется корыстной мотивацией, направленной на последующую реализацию обнаруженных предметов.

С точки зрения правоприменительной практики существенным индикатором проблемности рассматриваемой сферы выступает фиксируемый исследователями разрыв между уголовно-правовыми конструкциями, закреплёнными в действующем законодательстве, и реальными возможностями их практического применения. В частности, констатируется утрата внутрисистемной согласованности между материально-правовыми нормами об охране археологического наследия и процессуальными механизмами выявления, пресечения и доказывания соответствующего противоправного поведения [5, с. 72].

Изложенное позволяет заключить, что юридическое понятие незаконного обращения археологических предметов должно фиксировать не только завершающую стадию — собственно «оборот» предметов, но и все предшествующие ей действия, подрывающие режим сохранности археологического наследия. Обязательным условием корректной квалификации является последовательное разграничение трёх самостоятельных категорий: предметов, объектов и контекста заlegания. При этом ограничением доктринальной и правоприменительной определённости остаётся оценочный характер ряда используемых законодателем терминов, который неизбежно обуславливает вариативность квалификации конкретных деяний.

Квалификация деяний, предусмотренных ст. 243.2 и 243.3 УК РФ, предполагает последовательное разграничение указанных составов по двум критериям — предмету посягательства и содержанию объективной стороны, — каждый из которых несёт самостоятельную уголовно-правовую нагрузку.

Применительно к ст. 243.2 УК РФ квалификационно значимым обстоятельством выступает принадлежность изъятого либо перемещаемого объекта к категории археологических предметов. Данная принадлежность устанавливается не произвольно, а посредством специальных исследований (археологической, культурологической, историко-искусствоведческой экспертизы), результаты которых подтверждают наличие у объекта признаков культурной значимости в соответствии с критериями, выработанными в профильном законодательстве и подзаконной нормативной базе. Отсутствие надлежащего экспертного подтверждения закономерно влечёт невозможность вменения данного состава и обуславливает переквалификацию содеянного — как правило, в плоскость административной ответственности либо ответственности по иным нормам уголовно-

го закона [6, с. 55].

Иначе выстраивается квалификация по ст. 243.3 УК РФ. Здесь определяющее значение приобретает объективный факт нарушения установленного нормативными актами режима сохранности объекта археологического наследия в ходе проведения работ [7, с. 121]. Правоприменитель обязан установить причинно-следственную связь между конкретными действиями (равно как и бездействием) субъекта и наступившим вредом, причинённым охраняемому объекту, а равно противоправность самого избранного способа ведения работ. Указанная модель квалификации предполагает обращение к нормам Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и изданным в его развитие подзаконным актам, определяющим допустимые параметры деятельности на территории объектов археологического наследия.

Практическая трудность разграничения двух рассматриваемых составов обусловлена тем, что внешне тождественные действия — поиск, извлечение, транспортировка, хранение археологических объектов — способны образовывать различные составы преступлений в зависимости от юридической природы затронутого объекта и того, какое именно деяние признаётся юридически значимым в конкретной ситуации [8, с. 162]. При возникновении конкуренции уголовно-правовых норм приоритет надлежит отдавать той статье, диспозиция которой с большей степенью определённости описывает предмет и способ посягательства. Оценка мотивов и направленности умысла субъекта при таком подходе выполняет вспомогательную функцию и приобретает квалификационное значение преимущественно в пограничных ситуациях — в частности, когда один и тот же материальный объект одновременно обладает свойствами культурной ценности и вещи, допущенной к гражданскому обороту. Обоснованность данного метода — разграничения смежных составов через комплексный анализ объекта, предмета и субъективной стороны — подтверждается доктринальными исследованиями и правоприменительной практикой в сфере уголовно-правовой охраны культурных ценностей [9, с. 203].

Таким образом, надлежащая квалификация по ст. 243.2 и 243.3 УК РФ достижима лишь при условии синтеза экспертных данных о природе и происхождении предмета посягательства с правовой оценкой действующего режима охраны конкретного объекта. Существенным ограничением при этом остаётся зависимость итоговых квалификационных выводов от качества первичных материалов доследственной проверки, полноты процессуальной фиксации обстоятельств

обнаружения и изъятия предметов, а также от уровня компетентности привлекаемых специалистов.

Уяснение юридической природы составов, закреплённых в ст. 243.2 и 243.3 УК РФ, требует их сопоставления, с одной стороны, с нормами общего характера, направленными на обеспечение сохранности объектов культурного наследия, а с другой — со специальными составами, ориентированными на охрану отдельных категорий культурных ценностей и объектов исторической памяти.

Первый аспект сравнительного анализа касается соотношения ст. 243.2–243.3 со ст. 243 УК РФ. Последняя криминализирует уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей, то есть деяния, результатом которых является утрата или существенное ухудшение физического состояния охраняемого объекта. Нормы же ст. 243.2 и 243.3 переносят центр квалификационной тяжести на иную плоскость: незаконное изъятие предметов из культурного слоя и нарушение установленного режима обращения с археологическими объектами. Данное различие предопределяет существенную специфику предмета доказывания: если при вменении ст. 243 УК РФ ключевым является установление характера и размера причинённого ущерба, то применение ст. 243.2–243.3 требует прежде всего доказывания происхождения предмета из культурного слоя, а также факта нарушения специального правового режима проведения работ и обращения с археологическими находками [10, с. 84].

Второй аспект связан с соотношением уголовно-правовых запретов и административно-правовых механизмов охраны. Анализ показывает наличие структурной зависимости между корректностью уголовной квалификации и состоянием позитивно-правовой регламентации охранительных режимов. Разграничение недвижимого археологического наследия как объекта государственной охраны и движимых культурных ценностей как объекта гражданского оборота опирается на различные нормативные массивы: режим охраны недвижимых объектов выстроен вокруг Федерального закона № 73-ФЗ, тогда как оборот движимых ценностей регулируется иными специальными законодательными актами. Смещение указанных режимов на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства порождает квалификационные ошибки, связанные с некорректным определением предмета посяательства и, как следствие, с неверным выбором подлежащей применению нормы [11, с. 193].

Третий аспект сравнительного исследования обращён к тенденции специализации уголовно-правовой охраны объектов, обладающих

особой историко-культурной значимостью. Показательным примером данной тенденции служит включение в Уголовный кодекс ст. 243.4, устанавливающей ответственность за посяательства на воинские захоронения и мемориальные сооружения, посвящённые борьбе с фашизмом [12, с. 115]. Выделение самостоятельного предмета охраны и обособление специфической охраняемой сферы представляет собой законодательную модель, которая по структурной логике аналогична той, что положена в основу ст. 243.2–243.3 УК РФ. Криминализация незаконных действий в отношении археологического наследия обусловлена объективными факторами повышенной уязвимости данной сферы: высоким уровнем латентности преступных посятельств, наличием развитого трансграничного нелегального рынка археологических предметов, а также существенными трудностями идентификации контекста происхождения и провенанса обнаруженных объектов.

По итогам проведённого сравнительно-правового анализа представляется возможным сформулировать следующий вывод. Эффективность применения ст. 243.2 и 243.3 УК РФ находится в прямой зависимости от степени согласованности уголовно-правовых запретов с нормативным режимом охраны и оборота культурных ценностей, а также от нормативной ясности разграничения категорий «объект охраны» и «предмет оборота». Ограничивающим фактором правоприменения остаётся зависимость квалификации от полноты и достоверности экспертной реконструкции контекста обнаружения археологического предмета и от качества регистрационно-учётных и охранных процедур, осуществляемых на досудебной стадии.

Формирование обвинения по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 243.2 и 243.3 УК РФ, сопряжено с рядом затруднений методологического и процессуального свойства, обусловленных спецификой предмета доказывания и многокомпонентностью объективной стороны рассматриваемых составов.

Существо проблемы состоит в необходимости одновременного решения органами предварительного расследования нескольких квалификационных задач: надлежало установления предмета посяательства (археологические предметы, культурные ценности), воссоздания механизма их незаконного оборота и обоснования причинно-следственной связи между инкриминируемыми действиями и нарушением охраняемых публичных интересов в сфере сохранности археологического наследия. Каждая из названных задач обладает собственной доказательственной спецификой и требует привлечения различных по характеру источников сведений — от заключений

экспертов-археологов до документации охранного режима соответствующей территории.

В правоприменительной практике границы предъявляемого обвинения нередко утрачивают необходимую определённую. Причиной тому служат два взаимосвязанных обстоятельства. С одной стороны, конкуренция ст. 243.2 и 243.3 со смежными уголовно-правовыми нормами (прежде всего со ст. 243 и ст. 243.4 УК РФ, а также с составами, предусматривающими ответственность за хищение и незаконный оборот имущества) побуждает следствие к расширительному толкованию диспозиций. С другой стороны, стремление охватить единой формулой обвинения разнородные по юридической природе эпизоды — поиск, извлечение, хранение, перевозку, сбыт археологических предметов — порождает альтернативу, в равной мере неблагоприятную для качества уголовного преследования: либо избыточное вменение, при котором объём обвинения выходит за рамки фактически доказанного, либо необоснованное дробление единого деяния на множество самостоятельных эпизодов, каждый из которых утрачивает достаточную доказательственную базу.

Центральной методической трудностью надлежит признать корректное разграничение конкурирующих норм по объекту, предмету и элементам объективной стороны состава. В отсутствие такого разграничения обвинительная конструкция неизбежно приобретает формальный характер и начинает определяться внешними признаками — наличием либо отсутствием государственной регистрации объекта археологического наследия, правовым статусом территории обнаружения, оформлением прав на земельный участок, — а не фактическим содержанием совершённого посягательства. В доктрине справедливо указывается на то, что системный анализ смежных составов с выделением различий по нескольким квалификационным критериям составляет необходимое условие разрешения спорных вопросов уголовно-правовой оценки содеянного.

Самостоятельный блок затруднений обнаруживается на стадии проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ. Органы расследования при проверке информации о посягательствах на археологическое наследие вынуждены прибегать к опросам осведомлённых лиц и назначению экспертных исследований до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Результаты подобных проверочных мероприятий, будучи положены в основу обвинения, впоследствии нередко оспариваются стороной защиты по мотивам их процессуальной недопустимости. Обвинение в таких условиях вынуждено выстраивать доказательственную кон-

струкцию с учётом уязвимости процессуального статуса первичных материалов, что существенно ограничивает свободу квалификационного усмотрения. Как обоснованно отмечается в специальной литературе, несоблюдение процессуальных требований, установленных уголовно-процессуальным законом для производства допроса, влечёт признание полученных таким путём сведений недопустимыми доказательствами, что ставит под угрозу устойчивость обвинения в целом.

Изложенное позволяет констатировать, что объём обвинения по ст. 243.2 и 243.3 УК РФ в значительном числе случаев определяется не столько юридической моделью вменяемого состава, сколько пределами фактической доказуемости инкриминируемых обстоятельств. Подобная зависимость обвинительной конструкции от доказательственных возможностей конкретного дела, при всей её объяснимости, несёт в себе повышенный риск процессуальной нестабильности: обвинение, основанное преимущественно на критерии доказуемости, оказывается уязвимым на стадии судебного разбирательства и создаёт предпосылки для частичного прекращения уголовного преследования или переквалификации содеянного. Минимизация указанных рисков предполагает выработку унифицированных методических рекомендаций по формированию обвинения, учитывающих как материально-правовую специфику составов в сфере охраны археологического наследия, так и процессуальные ограничения, присущие доказыванию по данной категории уголовных дел.

Анализ правоприменительной практики и доктринальных источников позволяет обосновать необходимость совершенствования квалификации деяний, посягающих на сохранность археологического наследия, по трём взаимосвязанным направлениям: уточнение нормативных характеристик предмета преступления, стандартизация доказательственной деятельности на начальном этапе расследования и устранение регуляторных пробелов, оказывающих опосредованное влияние на уголовно-правовую оценку содеянного.

Первое направление: уточнение правового статуса предмета посягательства. Надлежащая квалификация по ст. 243.2 и 243.3 УК РФ предполагает безусловное установление принадлежности объекта к археологическому наследию и его генетической связи с конкретным местом залегания в культурном слое. Между тем действующее законодательство не содержит достаточно определённых критериев, позволяющих однозначно разрешить вопрос о правовой природе обнаруженного объекта на стадии предварительного расследования. В этой связи представляется обоснованным нормативное закрепление пре-

зумпции недвижимого характера любого объекта археологического наследия с одновременным законодательным указанием на принадлежность как выявленных, так и включённых в единый государственный реестр объектов к федеральной собственности. Введение данной презумпции способно существенно снизить вариативность правоприменительных трактовок при отграничении предмета ст. 243.2–243.3 от предмета смежных составов преступлений, а равно минимизировать число ситуаций, в которых объект археологического наследия *de facto* квалифицируется правоприменителем как бесхозяйная вещь, допущенная к свободному гражданскому обороту.

Второе направление: стандартизация первичных проверочных мероприятий. Качество уголовно-правовой оценки деяний рассматриваемой категории находится в прямой зависимости от полноты и процессуальной корректности материалов, собранных на этапе проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Практика свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к процедуре первичной фиксации обстоятельств обнаружения археологических предметов, что неизбежно ослабляет доказательственную базу обвинения. Для преодоления указанного недостатка целесообразна разработка и ведомственное утверждение унифицированного алгоритма проверочных действий, включающего: геодезическую фиксацию координат места обнаружения с описанием признаков культурного слоя; процессуально корректное изъятие орудий, использованных при проведении земляных работ; детальное фото- и видеопроотоколирование места обнаружения и изъятых предметов; незамедлительное назначение комплексной археологической и стоимостной экспертизы с применением типового перечня вопросов, подлежащих разрешению экспертом. Внедрение подобной стандартизации призвано компенсировать разрыв между материально-правовыми конструкциями составов преступлений и реальными возможностями их выявления и доказывания, на наличие которого обращается внимание при исследовании последствий криминализации посягательств на археологическое наследие.

Третье направление: совершенствование практики квалификации при множественности преступлений. Нередки ситуации, в которых незаконное извлечение археологических предметов сопряжено с признаками иных уголовно наказуемых деяний — хищения культурных ценностей, их контрабандного перемещения через таможенную границу, легализации доходов, полученных преступным путём. В подобных случаях правоприменителю надлежит шире использовать институт квалификации по совокупности преступлений, однако обращение к данному институту допусти-

мо лишь при соблюдении строгой последовательности доказывания: вменение дополнительных составов возможно исключительно после достоверного установления археологического происхождения предметов и доказанного факта их незаконного извлечения из культурного слоя. Обратная логика — квалификация по смежным составам при неустановленном происхождении объекта — создаёт риск объективного вменения и нарушения принципа субъективной ответственности.

Реализация изложенных рекомендаций в совокупности способна повысить предсказуемость квалификационных решений и обеспечить единообразие правоприменительной практики по делам о посягательствах на археологическое наследие. Вместе с тем необходимо учитывать объективные пределы предлагаемого подхода: его действенность остаётся производной от качества привлекаемой экспертизы, уровня профессиональной подготовки следственных работников в области охраны культурных ценностей и состояния межведомственного информационного обмена между органами расследования, учреждениями культуры и территориальными органами охраны объектов культурного наследия.

Список литературы:

- [1] Абаканова, В. А. Проблемы правоприменительной практики при проведении проверки сообщения о преступлении / В. А. Абаканова, Е. Г. Шадрин // Криминалист. – 2024. – № 2 (47). – С. 3-9.
- [2] Селиверстов, Н. О. Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н. О. Селиверстов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 99-103.
- [3] Ужанов, А. Е. Социологические и социально-правовые аспекты сбережения военно-мемориального наследия Второй мировой войны / А. Е. Ужанов // Пространство науки. – 2024. – Т. 1, № 1. – С. 102-117.
- [4] Шапчиц, П. А. Регистрация права государственной собственности на объекты археологического наследия / П. А. Шапчиц // Россия в глобальном мире. – 2024. – Т. 27, № 2. – С. 47-79.
- [5] Коробейникова, А. О. Хищение предметов, имеющих особую ценность: проблемные аспекты предмета преступления / А. О. Коробейникова, А. Д. Заика, С. С. Попова // Барометр экономики, управления и права. – 2025. – № 1(41). – С. 70-74.
- [6] Халиков, И. А. Незаконная археология. Уголовно-правовые средства противодействия / И. А. Халиков. – Казань : ИПФ "Бриг", 2020. – 206 с.
- [7] Халиков, И. А. Признаки субъекта преступления, предусмотренного статьей 243.2

Уголовного кодекса Российской Федерации / И. А. Халиков // Правосудие. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 113-127.

[8] Шебалов, В. А. Понятия "черная археология" и "черный копатель" / В. А. Шебалов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 5-3(119). – С. 160-163.

[9] Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: исторические аспекты и современные проблемы уголовно-правового регулирования / О. Е. Тарасова, Э. Ф. Закирова, Э. Ю. Латыпова, Э. М. Гильманов // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 4. – С. 200-205.

[10] Мельниченко, Н. Н. Посягательства на объекты археологического наследия, совершенные в соучастии: проблемы правовой регламентации и квалификации / Н. Н. Мельниченко // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 12(154). – С. 83-86.

[11] Кобзева, Е. В. Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания — новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти / Е. В. Кобзева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 6 (101). – С. 191-197.

[12] Анощенко, С. В. Охрана культурных ценностей Российской Федерации уголовно-правовыми средствами / С. В. Анощенко // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 113-120.

References:

[1] Abakanova, V. A. Problems of law enforcement practice when checking a crime report/ V. A. Abakanova, E. G. Shadrina // Criminalist. – 2024. – № 2 (47). – S. 3-9.

[2] Seliverstov, N.O. Problems of delimitation of articles 243 and 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation/N.O. Seliverstov // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (90). – S. 99-103.

[3] Uzhanov, A.E. Sociological and socio-legal aspects of saving the military memorial heritage

of World War II/A.E. Uzhanov // Space of science. – 2024. – T. 1, NO. 1. – S. 102-117.

[4] Shapchits, P. A. Registration of state ownership of objects of archaeological heritage/ P. A. Shapchits // Russia in the global world. – 2024. – T. 27, NO. 2. – S. 47-79.

[5] Korobeinikova, A. O. Theft of objects of particular value: problematic aspects of the subject of crime/A. O. Korobeinikova, A. D. Zaika, S. S. Popova // Barometer of Economics, Management and Law. – 2025. – № 1(41). – S. 70-74.

[6] Khalikov, I. A. Illegal archeology. Criminal law countermeasures/I. A. Khalikov. – Kazan: IPF "Brig," 2020. – 206 s.

[7] Khalikov, I. A. Signs of the subject of the crime provided for in Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation/I. A. Khalikov // Justice. – 2021. – T. 3, NO. 1. – S. 113-127.

[8] Shebalov, V. A. Concepts of "black archeology" and "black digger" /V. A. Shebalov // International Research Journal. – 2022. – № 5-3(119). – S. 160-163.

[9] Illegal search and (or) removal of archaeological objects from their places of occurrence: historical aspects and modern problems of criminal law regulation/O. E. Tarasova, E. F. Zakirova, E. Yu. Latypova, E. M. Gilmanov // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2024. – № 4. – S. 200-205.

[10] Melnichenko, N. N. Encroachments on objects of archaeological heritage committed in complicity: problems of legal regulation and qualification/N. N. Melnichenko // Theory and practice of social development. – 2020. – № 12(154). – S. 83-86.

[11] Kobzeva, E.V. Illegal search and (or) seizure of archaeological objects from their places of occurrence is a new criminal encroachment on the moral foundations of cultural memory/E.V. Kobzeva // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2014. – № 6 (101). – S. 191-197.

[12] Anoshchenkova, S.V. Protection of cultural property of the Russian Federation by criminal law/S.V. Anoshchenkova // Journal of Russian Law. – 2014. – № 3. – S. 113-120.

